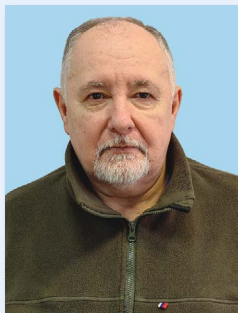

В ШТАБАХ ПОБЕДЫ

Индекс УДК 93/94

Код ГРНТИ 03.23.55

DOI: 10.22204/2587-8956-2025-120-01-13-25

**В.Н. МЯКОТА,
С.В. КУДРЯШОВ***

Советские планы ответа на военные приготовления Германии

Статья посвящена анализу советского военного планирования накануне Великой Отечественной войны. Основное внимание обращается на планы Генерального штаба РККА весны 1941 г. Показан их черновой, рабочий характер, который не был воплощён в директивные решения Советского правительства. Делается вывод об отсутствии у военного руководства каких-либо планов «нападения» на Германию.

Ключевые слова: Генеральный штаб, планирование войны, РККА накануне войны, Великая Отечественная война

После польской кампании осенью 1939 г. Генеральный штаб РККА твёрдо определился с будущим противником на Западе. Им станет Германия с её возможными союзниками. Вплоть до июня 1941 г. все военные планы пронизывала главная мысль: как наиболее эффективно противодействовать возможной агрессии.

В армии, особенно после войны с Финляндией, происходили крупные преобразования. Мобилизационное управление совместно с другими подразделениями

Наркомата обороны и Генштаба пришли к выводу, что в будущей войне необходимо держать под ружьём около 9–10 млн человек. Считалось, что это вполне подъёмная цифра, которую в состоянии обеспечить экономика и народонаселение страны. В 1940 г. был принят новый план мобилизации МП-40. Согласно этому плану осуществлялась полная инвентаризация военного хозяйства, взаимоотношений с местными властями в случае войны, составлялись списки военнообязанных, проверялась работа военкоматов и т.д. Работа была до такой

* **Мякота Вадим Николаевич** — начальник 15-го отдела Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации.

E-mail: centervoviriran@mail.ru

Кудряшов Сергей Валерьевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра по изучению истории Великой Отечественной войны Института российской истории РАН.

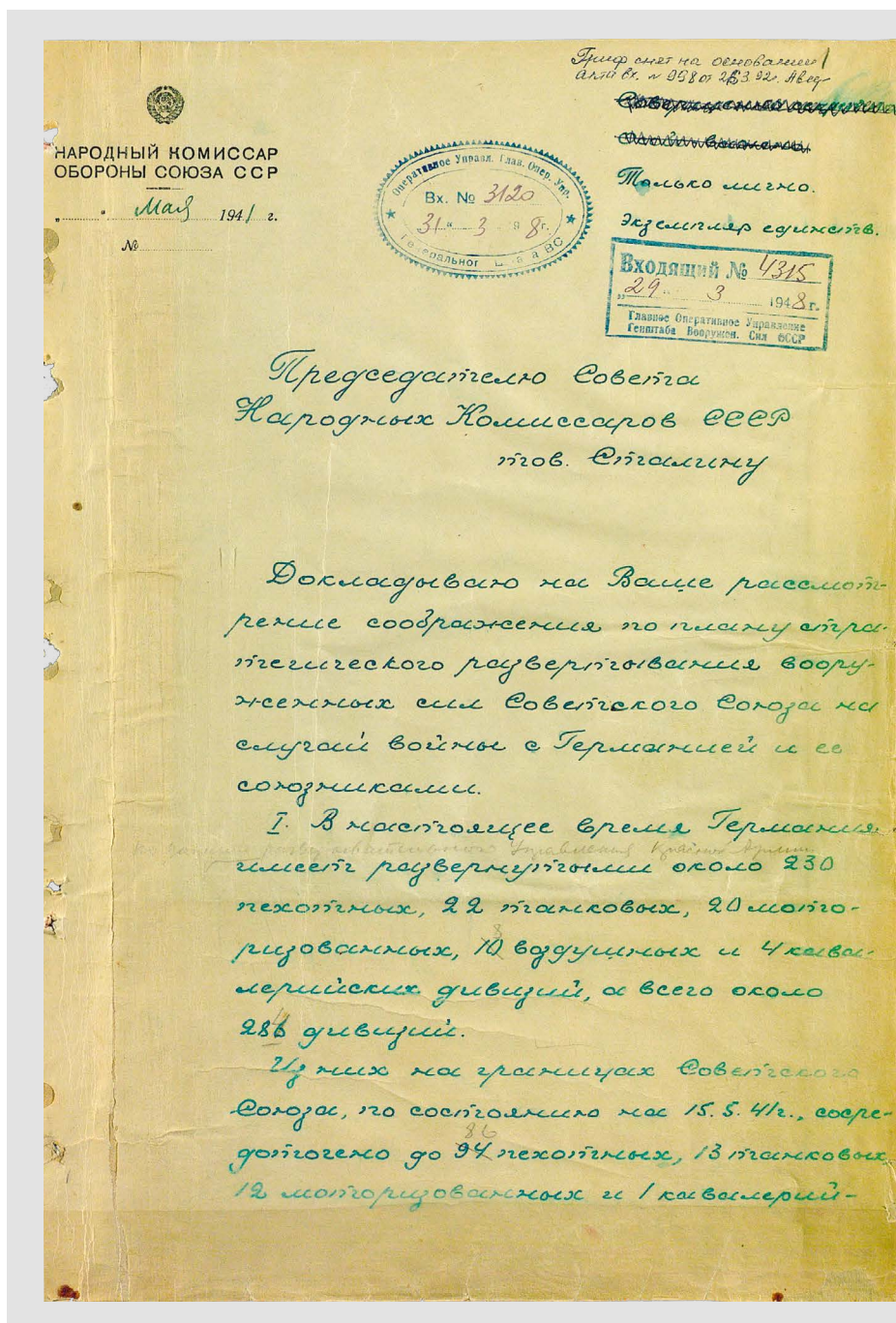
E-mail: kudryashov.iri.ran@yandex.ru

степени масштабной, что военные округа отчитались о ней только в январе 1941 г.

Однако после этого, одновременно со сменой руководства в Генштабе, принимается новый план мобилизации — МП-41. Его подготовка и осуществление требовали ещё больших затрат. Полное обеспечение Красной армии вооружением и техникой по плану МП-41 могло быть удовлетворено только через пять лет. Почти все округа просили об отсрочке, но им отказывали. Поэтому МП-41 так до конца и не был реализован. К 22 июня 1941 г. из 198 стрелковых дивизий половина имела по 10,3 тыс. человек (при штатной численности 12 тыс.), 78 (около 40%) насчитывали по 5,9 тыс. человек. Формирование остальных 23 дивизий только начиналось. В 92 танковых и моторизованных дивизиях из положенных по штатам 31,2 тыс. танков исправными были 18,7 тыс., т.е. 60%. Из 44 укрепленных районов только 17 имели кадры для последующего развертывания. В стадии формирования находились 106 авиационных полков из 348, или более 30% [1, Т. 2, с. 610–622; 5, кн. 3; 7].

Объективная проблема состояла в том, что многие реформы проводились одновременно, стремительно, без достаточной проработки деталей, что неизбежно вело к большим диспропорциям, отставаниям по срокам и разбалансированности механизма управления.

В мае 1940 г. Народным комиссаром обороны СССР был назначен Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко. Специально созданная в связи с этим комиссия

Ил. 1-1-1-2. Соображения об основах стратегического развертывания Вооружённых сил Советского Союза на Западе и на Востоке от 15 мая 1941 г. (ЦАМО. Ф. 32. Оп. 2951сс. Д. 239. Л. 211–220)

во главе с секретарём ЦК ВКП(б) А.А. Ждановым осуществила проверку Наркомата обороны и подготовила акт его приёма-передачи. В этом документе отмечалось, что на момент приёма и сдачи Наркомат обороны не имел оперативного плана войны, не знал истинного состояния армии

и атаковать германскую армию в этот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск.

II. ^{Перво-} ~~Ближайшей~~ стратегической целью действий войск Красной Армии поставится — разгром главных сил немецкой армии, развертываемых южнее Демблина и выход к 30 дню операции на фронт Ост-Промекса, р. Нарва, Ловия, Лодзь, Крейцбург, Опельн, Оломоуц, для чего:

а) главный удар силами Юго-Западного фронта нанести в направлении Краков, Катовице, отрезав Германию от ее южных союзников;

б) вспомогательный удар силами Юго-Западного фронта нанести в направлении Везе, Демблин, с целью овладения Варшавской группировкой и содействии Юго-Западному фронту в разгроме Люблинской группировки противника;

в) вести активную оборону против Фрилендта, Восточной Пруссии, Венгрии и Румынии и быть готовыми к

риоде рассматривалось в определенной последовательности. Полагалось, что сразу после нападения врага на СССР развернутся ожесточенные воздушные сражения за завоевание господства в воздухе с одновременными ударами бомбардировочной авиации по аэродромам, районам сосредоточения войск, военно-промышленным центрам и другим важным объектам в его тылу. В то же время начнутся приграничные сражения так называемых армий прикрытия, которые отразят агрессию, выиграют время и тем самым обеспечат от мобилизацию, сосредоточение и развертывание главных сил Красной армии для их перехода в наступление и переноса военных действий на территорию противника [3, 4].

Советские военные эксперты считали, что при таком временном интервале Красная армия быстро отобилирует все свои силы и перейдет в решительное наступление. Отход войск в глубину собственной территории и затяжные оборонительные бои не предполагались. В соответствии с оценкой группировок немецких войск и общим замыслом отражения их нападения намечались два варианта

и прикрытия границ¹. Эти недостатки пришлось срочно устранять в условиях все более нараставшей военной опасности.

На рубеже 30-х – 40-х гг. XX в. в советской военной теории начальный период войны понимался как отрезок времени от начала военных действий до вступления в них главных сил противоборствующих сторон. При этом развитие событий в начальном пе-

стратегического развертывания главных сил Красной армии на западе. В первом варианте, который получил наименование «южный», Генеральный штаб планировал развернуть главную группировку войск к югу от Брест-Литовска, чтобы мощным ударом на люблинско-бреславском направлении на первом же этапе войны отрезать Германию от Балканских стран,

¹ Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 32. Оп. 11309. Д. 15. Л. 1–31.

вывести их из войны, лишив тем самым нацистский рейх важнейших экономических баз¹ (ил. 1.1–1.2).

Во втором варианте — «северном», с развёртыванием главных сил к северу от Брест-Литовска — замысел сводился к тому, чтобы, используя укреплённые районы, активной обороной прочно прикрыть минское и псковское направления и не допустить глубокого вклинения противника на советскую территорию. В последующем войсками Западного и Северо-Западного фронтов перейти в наступление, нанести поражение главным силам вермахта и овладеть Восточной Пруссией² (ил. 2).

Разработанные в оперативных планах варианты действий проверялись на двух оперативно-стратегических играх, организованных Генеральным штабом Красной армии в январе 1941 г. По итогам игр к марту 1941 г. был разработан «Уточнённый план стратегического развёртывания Вооружённых Сил Советского Союза на Западе и на Востоке». В нём, во-первых, уже почти без сомнений считалось, что «Германия вероятнее всего развернёт свои главные силы на юго-востоке... с тем, чтобы ударом на Бердичев, Киев захватить Украину»³. Во-вторых, отмечалось, что «наиболее выгодным является развёртывание наших главных сил к югу от реки Припять с тем, чтобы мощными ударами на Люблин, Радом и на Краков поставить себе первую стратегическую цель: разбить главные силы немцев и в первый же этап войны отрезать Германию от Балканских стран»⁴. Исходя из этого, самая сильная группировка Красной армии создавалась в составе Киевского Особого военного округа (ил. 3, 4).

Анализ этого важного документа показывает, что текст от руки чернилами написан заместителем начальника Оперативно-

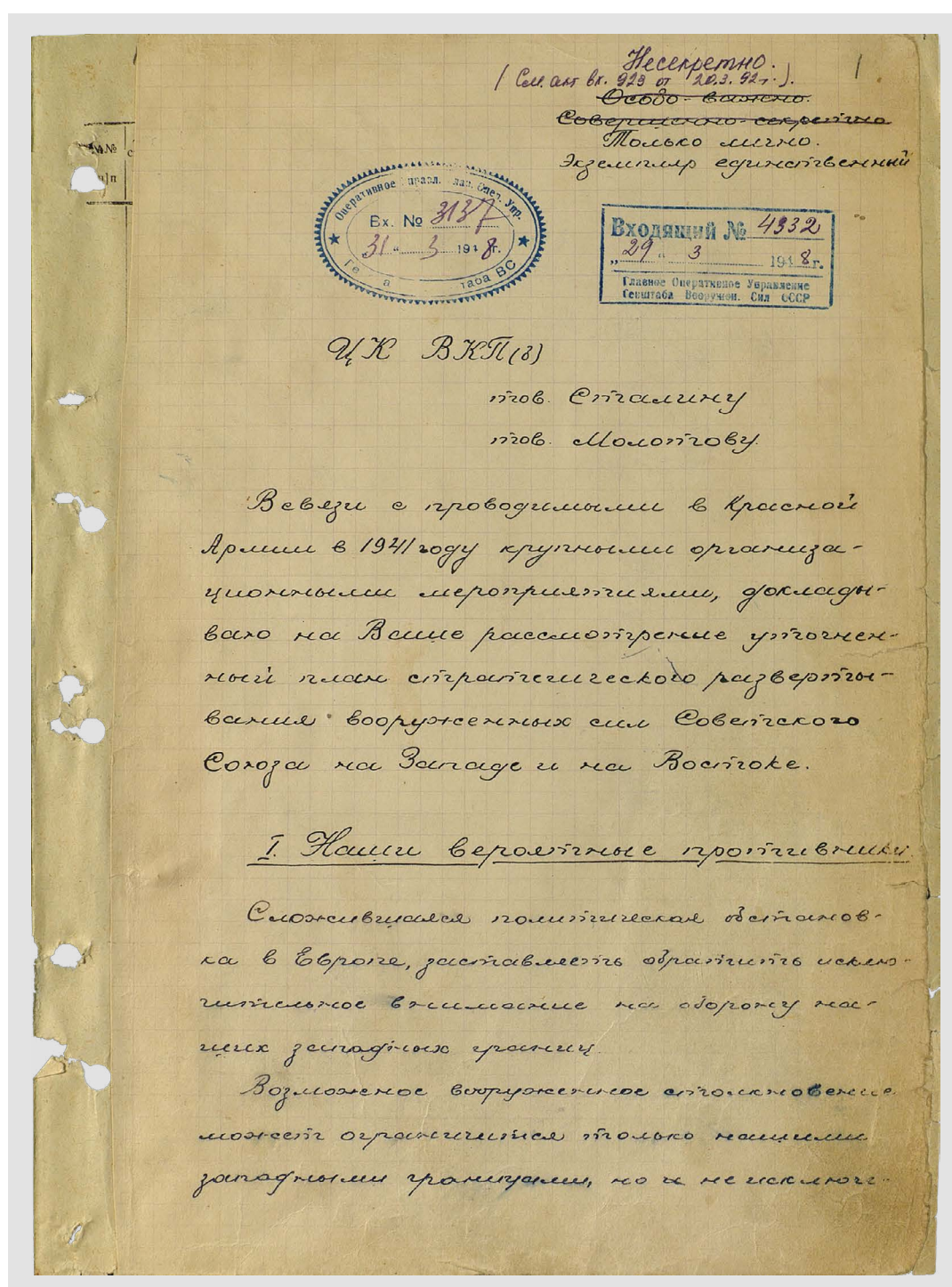
го управления Генштаба А.М. Василевским. Им же проставлена дата — 11 марта 1941 г. На последней странице написаны фамилии наркома обороны С.К. Тимошенко и нового начальника генштаба Г.К. Жукова, но подписей их нет. В документе имеются многочисленные добавления, исправления и поправки рукой самого Василевского и 1-го заместителя Начальника Генштаба Н.Ф. Ватутина. Почти все правки сделаны простым, а несколько — красным карандашом. Всего на 55 листах содержится минимум 113 исправлений и правок. К сожалению, из-за небрежного хранения какая-то часть карандашных помет стёрта, чернила в ряде мест смазаны. Это обстоятельство имеет принципиальное значение, поскольку на обороте листа 27 содержатся пометы карандашом, которые ряд авторов приводят в обоснование якобы «агрессивных намерений Кремля». Это фраза «наступление начать», затем цифры 12 и 6 и внизу, по-видимому, незаконченное слово «на». Цифры 12 и 6 отдельные историки интерпретируют как 12 июня и делают вывод о решении Кремля «напасть на Германию» уже в июне 1941 г. [9, кн. 2, ч. 1, с. 152–153]. При внимательном рассмотрении документа видно, что точки между 12 и 6 нет. Точка после цифры 6 на самом деле является текстурой бумаги, она не проставлена карандашом. «1941» г. тоже нет (ил. 5). При многократном увеличении этих карандашных помет видно, что цифры и слово «наступление» написаны разными карандашами. Но даже если допустить, что у Ватутина сломался карандаш, и он проставил цифры другим, то интерпретация «12 июня 1941» совершенно не связана со смыслом текста и со всеми остальными пометами. Не ясно также, в какое время вносились исправления.

¹ Соображения об основах стратегического развёртывания Вооружённых сил Советского Союза на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 гг. 18 сентября 1940 г. // ЦАМО. Ф. 32. Оп. 2951сс. Д. 239. Л. 211–220.

² Там же. Л. 221–228.

³ Уточнённый план стратегического развёртывания вооружённых сил Советского Союза на Западе и на Востоке // ЦАМО. Ф. 32. Оп. 2951сс. Д. 241. Л. 6.

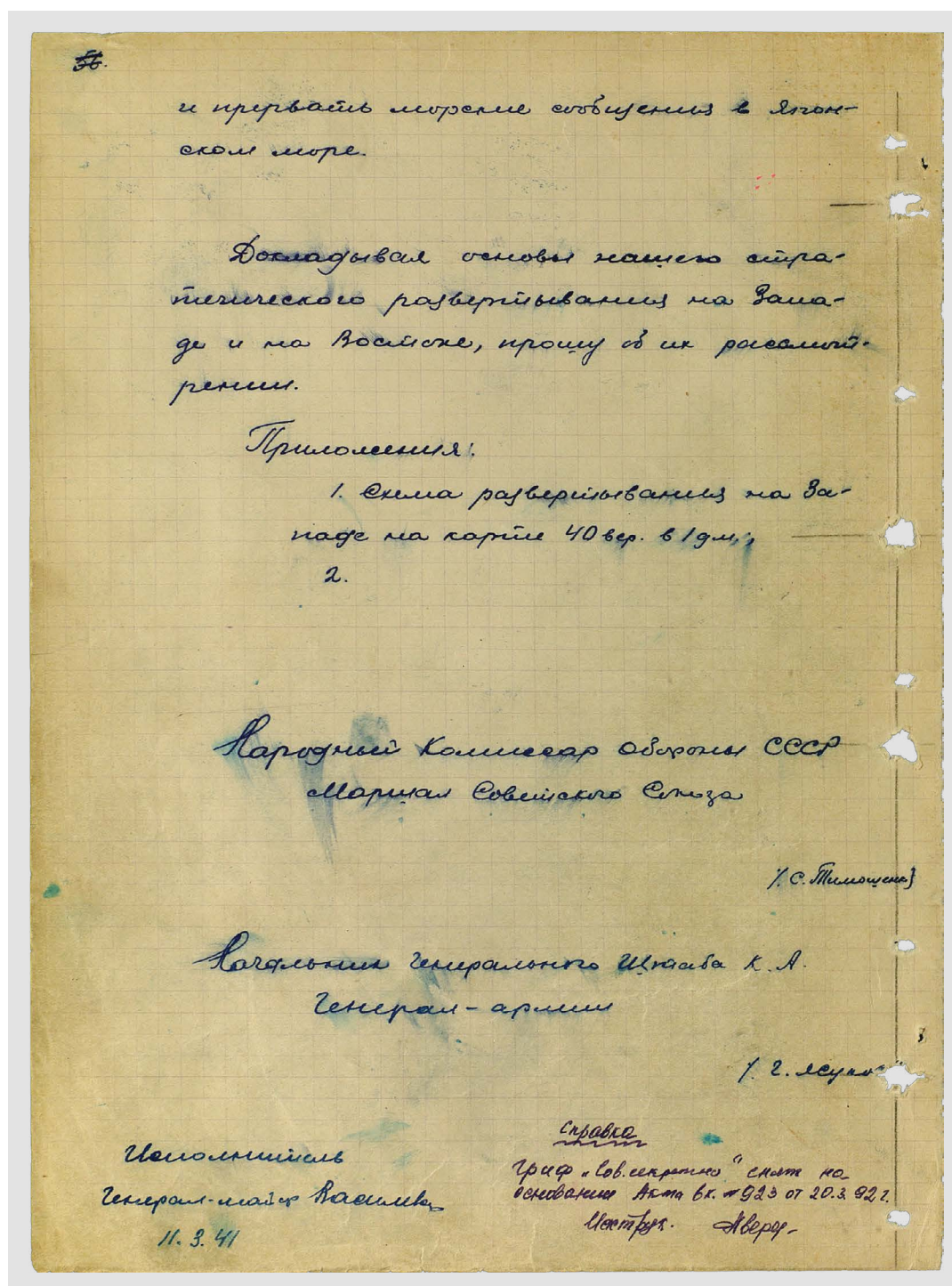
⁴ Там же. Л. 16.

Ил. 2. Первая страница плана об основах стратегического развертывания Вооружённых сил Советского Союза на Западе и на Востоке 11 марта 1941 г. (ЦАМО. Ф. 32. Оп. 2951сс. Д. 239. Л. 221-228)

Лексика документа («прочная оборона», «упорная оборона», «не допустить прорыва противника» и т.д.) свидетельствует, что Василевский и Ватутин рассматривали вариант наступления Юго-Западного фронта исключительно в условиях уже начав-

шейся войны. Но с датами, сроками мобилизации и количеством войск ясности не было. Не удивительно, что «уточнённый план» так и не был принят. Перед нами черновой вариант, хорошо иллюстрирующий квалифицированную работу высших

Ил. 3. Последняя страница уточнённого плана стратегического развёртывания
Вооружённых сил Советского Союза на Западе и на Востоке от 11 марта 1941 г.
(ЦАМО. Ф. 32. Оп. 2951сс. Д. 241. Л. 6).

Подписей Наркома обороны и Начальника Генерального штаба нет

офицеров Генерального штаба РККА. Обсуждался ли этот план со Сталиным? Пока в архивах никаких подтверждающих сведений не обнаружено. Нет также никаких свидетельств, что с текстом работали Ти-

мошенко и Жуков. Тем не менее можно предположить, что они с ним знакомились, и при необходимости обсуждения вопро-са в Кремле туда бы обязательно вызва-ли Ватутину. Однако первый заместитель

Жукова в марте и апреле 1941 г. не был у Сталина ни разу.

Идеи «уточнённого плана» от 11 марта почти дословно использовались в директивах, направляемых в военные округа. К примеру, в апрельском приказе Наркома обороны и Начальника Генштаба командующему войсками ЗапОВО генерал-полковнику Д.Г. Павлову о разработке плана оперативного развёртывания округа [8, с. 133–139]. И всё же основное внимание в литературе и в интернет-публикациях привлечено к другому документу — «Соображениям по плану стратегического развёртывания вооружённых сил Советского Союза на случай войны с Германией и её союзниками». Именно он вызывает наибольшие споры [11–13], на него чаще всего ссылаются, но мало кто видел оригинал, к качеству сохранности которого тоже немало претензий.

В итоге перед нами, как и с планом от 11 марта, текст от руки, написанный Василевским с поправками и редактурой от Ватутина. Точной даты нет. Указан только месяц — май. «Соображения» датируют «не ранее 15 мая» по внутреннему содержанию, так как в тексте упоминается расположение немецких войск «по состоянию на 15.5.41 г.». По сути, документ дополняет записку от 11 марта. Это тоже рабочий, черновой вариант с многочисленными исправлениями. Их в тексте минимум 68 на 15 листах.

К середине мая 1941 г. концентрация германских войск у советских границ приняла угрожающий характер. В Москву шёл буквально вал донесений о скором начале войны. В этих условиях в Генштабе пришли к убеждению, что Германия «может предупредить нас о развёртывании и нанести внезапный удар». Так родился замысел «упреждающего удара» со стороны РККА, который Сталину и предлагали рассмотреть. Принципиальная идея не менялась: главный удар по-прежнему наносят силы Юго-Западного фронта, а вспомогательный — левое крыло Западного фрон-

та. На остальных участках войска ведут активную оборону¹.

«Соображения» оставляют поле для двусмысленности, избавить от которой мог только Сталин. Упреждение или «нанесение внезапного удара по противнику как с воздуха, так и на земле», в какие сроки и в какой конкретно момент? По сложившимся тогда представлениям (они доминировали в штабах всех армий мира) сначала проводится мобилизация, затем сосредоточение и развёртывание войск. Если судить по предшествующим советским планам и директивам, развёртывание осуществляется уже в условиях войны. Пока армии мобилизуются и развёртываются в боевые порядки, войска прикрытия воюют с врагом на границе, не допуская прорывов. В советском Генштабе считали, что немцам для развёртывания нужно от 10 до 15 дней. Вполне возможно, штабные работники предполагали, что со стороны Германии последует объявление войны. Такую версию усиленно распространяли сами немцы. В этом случае заблаговременное и скрытое сосредоточение сил РККА позволило бы выиграть время и нанести мощный упреждающий удар по ещё неразвёрнутым армиям врага уже в первые дни войны. Такой подход выглядит вполне разумным.

Обратим внимание на важную вставку Ватутина в том же документе: «форсировать строительство и вооружение укреплённых районов, начать строительство укрепрайонов в 1942 г. на границе с Венгрией». Если готовить войска к переходу в наступление, то сначала требуется построить укрепрайоны. А их невозможно построить за два-три месяца, в таком случае вопрос «упреждающего удара» превращается в тему отдалённого будущего. Так может быть, речь в «соображениях» вообще шла не о 1941, а о 1942 г.? Этого нельзя отрицать, поскольку в тексте содержится просьба обязать Наркомат путей сообщения (НКПС) полностью выполнить план 1941 г. по строительству железных дорог.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 28. Оп. 17. Д. 18. Л. 1–55.

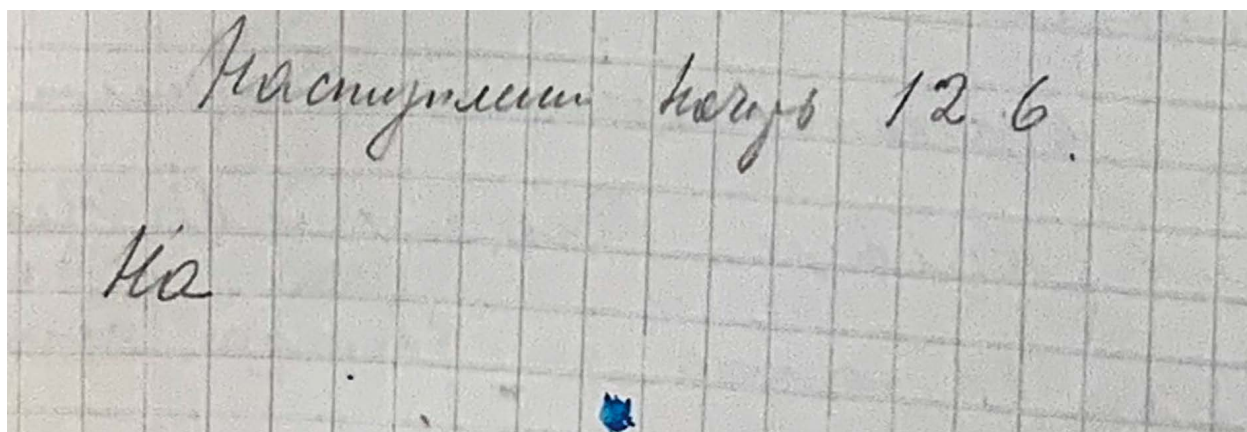

Ил. 4. Схема соотношения сил. Май 1941 г. (Приложение к докладной записке Наркома обороны СССР и Начальника Генштаба Красной армии И.В. Сталину с соображениями по плану стратегического развёртывания Вооружённых сил СССР на случай войны с Германией и её союзниками от 15 мая 1941 г.)

Понятно, что сначала выполнение плана, а потом — боевые действия.

В какой степени майский «план намечаемых боевых действий на случай вой-

ны с Германией» соответствовал реалиям времени и был ли он вообще выполним? Все предложения «не давать инициативы действий германскому командованию»,

Ил. 5. Карандашные пометы Н.Ф. Ватутина на плане от 11 марта 1941 г.

«упредить противника в развёртывании», атаковать немецкую армию в наиболее удобный момент, пока она не организовала фронт и не наладила взаимодействие родов войск, соответствовали требованиям военной теории. Как раз именно этой цели добились нацисты. Большинство историков полагают, что Гитлер выбрал для нападения самый удобный момент, сильно дезориентировав советское руководство. Авторы «соображений» определённо переоценивали возможности РККА и недооценивали силу вермахта. Упреждающий удар по отобюрокраченным и изготовившимся к удару войскам противника вряд ли принёс бы ожидаемые результаты. «Разгромить немецкую армию» в столь короткие сроки было совершенно нереально. Вместе с тем своевременное приведение войск в боевую готовность помогло бы предотвратить большие людские и материальные потери.

Нет никаких архивных данных, что майские «соображения» обсуждались со Сталиным. Неподписанный черновик с таким количеством исправлений и зачёркиваний не мог быть послан и утверждён высшим руководством. Однако можно предположить, что идеи плана докладывались Сталину и Молотову 19 мая, когда он принял в Кремле Ватутина, Жукова и Тимошенко. Скорее всего, докладывал Ватутин. Он пробыл в кабинете почти час: с 20.10 до 21.05. Это были материалы высшего уровня секретности, и они могли обсуждаться только в присутствии упомянутых

лиц. В следующий раз Ватутин появится в Кремле вместе со своим руководством 24 мая. В этот день состоялось большое совещание, на котором присутствовали 22 человека. В Интернете распространяется сфальсифицированная «речь» Сталина на этом заседании. В действительности никаких записей не существует. Повестка дня нам неизвестна. Но определённо тема «упреждающего» удара вряд ли могла затрагиваться вождём и его подчинёнными в таком широком составе. Правда, в течение 40 минут «пятёрка» посвящённых (Сталин, Молотов, Ватутин, Жуков и Тимошенко) заседали одни. В следующий раз в узком составе (без Молотова) они встретятся 3 июня (1 час 30 минут), 6 июня (2 часа 5 минут) и 9 июня (1 час). Последний раз перед войной Ватутин посетит Сталина 17 июня и пробудет у него всего 30 минут (с 22.00 до 22.30), но уже без Жукова и Тимошенко [10].

Некоторые авторы полагают, что советскому руководству было вовсе и не обязательно утверждать конкретные планы, поскольку военные будто бы всё равно «руководствовались» этими «идеями» и претворяли их в жизнь. При этом бездумно смешиваются понятия «агрессия», «нападение», «наступление» и применяют их к политике Кремля в отношении фашистской Германии накануне войны. Истоки подобных интерпретаций надо искать в пропаганде самих нацистов и в последующей конфронтации с Запа-

дом в годы «холодной войны». Нацисты приложили колоссальные усилия, дабы представить свою агрессию как «защитную акцию упреждения» против коварных планов «большевиков», сосредоточивших большие силы на границах рейха. На деле берлинским стратегам именно это и требовалось. Важно было вовлечь в приграничные сражения основные силы русских и разбить их. Оправдательная идея «упреждения» предназначалась для внешнего и внутреннего потребления. Примечательно, что вся подготовка к операции «Барбаросса», включая планы уничтожения людей, осуществлялась независимо от каких-либо действий советского правительства.

В литературе распространено убеждение, что план «Барбаросса» очень быстро стал известен советскому руководству благодаря деятельности разведки. К сожалению, убедительных данных, что дело обстоит именно так, у нас нет. Если замысел германского плана нападения был заблаговременно раскрыт, то Москва заранее укрепила бы Западный фронт. Материалы из архива Политбюро свидетельствуют, что после подписания капитуляции немцы сами передали по требованию советского командования основные документы по подготовке войны против СССР, а затем Жуков переслал их Сталину.

Большие дискуссии среди историков вызывает отношение Сталина к данным разведки. Сейчас уже ясно, что это была очень противоречивая информация, и она не могла не вызывать сомнений, так как в называемые разведкой даты нападение не состоялось. Доступные ныне докладные записки с анализом разведданных, которые посылали на имя Сталина, начальника разведуправления Генштаба генерал-лейтенанта Ф.И. Голикова, наркома ВМФ адмирала Н.Г. Кузнецова и Л.П. Берии, показывают, что они подстраивались под мнение Сталина и расценивали многие данные как дезинформацию.

В соответствии с требованиями директив НКО и Генштаба основу обороны

по прикрытию государственной границы должны были составить укрепленные районы и полевые укрепления, построенные по линии государственной границы с использованием всех имеющихся сил и возможностей. Анализ задач и общего замысла прикрытия показывает, что расчёты военного руководства построить устойчивую оборону на базе укрепрайонов не соответствовали реальным возможностям. Огромное по своему объёму строительство укрепрайонов находилось в начальной стадии, велось крайне медленно и в 1941 г. не могло быть завершено. К 1937 г. были построены 13 укрепленных районов. В 1938–1939 гг. на старой границе начали строительство ещё восьми укрепрайонов, а в 1940–1941 гг. — ещё двадцати на новой госгранице. Протяжённость укрепрайонов достигала 100 км. Весной 1941 г. ежедневно на их строительстве работали более 130 тыс. человек. Накануне войны укрепрайоны содержались по сокращённым штатам. В мае 1941 г. правительство наметило резкое увеличение общей численности личного состава укрепрайонов. Однако укомплектовать их так и не удалось. К 22 июня 1941 г. они имели до 34% командного и 47% рядового состава от штата [6].

Главную озабоченность у высшего руководства вызывало массированное сосредоточение немецких войск вдоль границ СССР. Скрыть это немцам было невозможно. В Генеральном штабе понимали, что нужно принимать адекватные ответные меры, но при этом важно не провоцировать немцев. Естественной реакцией было скрытное от мобилизации военнообязанных запаса, что и было осуществлено под прикрытием «больших учебных сборов». Всего на эти «сборы» до объявления войны призвали свыше 802 тыс. человек. Это составляло 24% приписного личного состава по мобилизационному плану МП-41. Для столь масштабного перемещения войск требовалось 939 железнодорожных эшелонов. Однако железные дороги работали по режиму мирного времени, и поэтому к началу войны в назначенные пункты при-

были только 83 воинских эшелона. 455 эшелонов находились в пути, а 401 эшелон ещё даже и не грузился. Как потом выяснилось, одним из очевидных недостатков такого передислоцирования было то, что войска перевозились на театр будущих военных действий неукomплектованными. Предполагалось, что запасы горючего, продовольствия, боеприпасов и транспорт придут позднее или будут «мобилизованы» из ресурсов места новой дислокации. В Генеральном штабе полагали, что для этого будет достаточно времени [14, 15].

Высшее советское командование и лично И.В. Сталин особое внимание уделяли развитию ВВС. 40% всего военного бюджета в 1940 г. приходилось именно на развитие авиации. К началу войны в военных округах имелись 15 599 боевых самолётов, из них 8472 (54%) находились в западных приграничных округах. Новые самолёты в приграничных округах составляли лишь около 20%. Большой проблемой была подготовка экипажей. В приграничных военных округах авиаполки имели 5937 боеготовых экипажей, что на 1196 меньше числа боевых самолетов. Иными словами, по тревоге нельзя было поднять в воздух все машины. На новые самолёты (1448 единиц) переучились всего 208 экипажей. Командные кадры ВВС в массе своей были молодые и неопытные. Перед войной 43% командиров всех степеней находились на занимаемых должностях менее полугода. В Прибалтийском особом военном округе баз лётного состава не хватало для 188 самолётов, в Западном — 430, в Киевском — 342. Передовые части армейской авиации базировались близко от границы (до 30 км), а фронтовой и дальней авиации были слишком удалены от границы (300–900 км). Подготовку лётного и технического состава ВВС значительно усложняло наличие в армии более 20 типов самолётов [1, т. 2, с. 610–622; 2].

Рассекречивание документов советского Генштаба показывает, что как такового одного оперативного плана в виде документа не существовало. Речь шла о совокупности

различных материалов, обеспечивающих при их выполнении организованное развёртывание и вступление армии и флота в боевые действия. В эту совокупность документов включались директива правительства об основах стратегического развёртывания Вооружённых сил; записка Генерального штаба, утверждённая наркомом обороны СССР о порядке стратегического развёртывания с приложением карты и сводной таблицы распределения войсковых соединений; план стратегических перевозок для сосредоточения; планы прикрытия развёртывания; план устройства тыла и материального обеспечения действующей армии; планы по связи, противовоздушной обороне и т.д.

Советское военное командование оказалось в довольно сложной ситуации. С одной стороны, необходимо было реагировать на немецкие угрозы, а с другой — боязнь спровоцировать противника мешала принятию соответствующих мер. Как показали дальнейшие события, разрешить эти противоречия так и не удалось. Несмотря на то, что Красная армия располагала всеми необходимыми средствами для отпора врагу, она оказалась неподготовленной к отражению столь мощного удара. Войска не были отмобилизованы, имели некомплект транспорта и войсковых запасов. Полная готовность достигнута не была. Из 108 дивизий войск прикрытия в первые часы войны вооружённый отпор агрессору могли оказать около 40 не полностью отмобилизованных дивизий.

Сталин пытался мыслить рационально и прагматично. Но безрассудство Гитлера, его авантюризм и маниакальное желание уничтожить СССР, а вместе с ним и большевизм, не вписывались в прагматические рассуждения советского лидера. Он всеми силами пытался избежать скорой войны, боясь её спровоцировать неосторожными действиями. Поэтому маловероятно, что он санкционировал бы упреждающий удар по вооружённым силам Германии. В то время, когда нужно было в кратчайшие сроки принимать неотложные меры, Сталин,

как и Молотов, полагал, что «идёт большая игра». На самом деле, они оказались в искусственно созданной гитлеровцами атмосфере неопределённости, неведения. Про-

медление и запоздалые решения верховной власти обернулись для страны катастрофой, за которую пришлось расплачиваться миллионами человеческих жизней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 1–12. М., 2012–2015.
2. Начальный период Великой Отечественной войны: выводы и уроки. М., 1989.
3. Решение проблемы отражения агрессии противника в начальном периоде Великой Отечественной войны. М., 1989.
4. Иванов С.П. Начальный период Великой Отечественной войны Советского Союза // Военная мысль. 1971. № 6. С. 20–34.
5. Мировые войны XX века: В 4 кн. Кн. 3. М., 2002.
6. Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1989.
7. Михалёв С.Н. Военная стратегия: подготовка и ведение войн Нового и Новейшего времени. М., 2003.
8. 1941 год. Кн. 2. М., 1997.
9. Сорокин А.К. История одного правления. Сталин в 1917–1953 гг. Кн. 2. Война и мир Сталина. Ч. 1. М., 2024.
10. На приёме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953 гг.): Справочник / Науч. ред. А.А. Чернобаев. М., 2008.
11. Бобылёв П.Н. Точку в дискуссии ставить рано. К вопросу о планировании в Генеральном штабе РККА возможной войны с Германией в 1940–1941 гг. // Отечественная история. 2000. № 1. С. 46–64.
12. Горьков Ю.А., Сёмин Ю.Н. Конец глобальной лжи // Военно-исторический журнал. 1996. № 2. С. 2–15; № 3. С. 4–17; № 4. С. 2–17; № 6. С. 2–7.
13. Горьков Ю.А., Сёмин Ю.Н. О характере военно-оперативных планов СССР накануне Великой Отечественной войны. Новые архивные документы // Новая и новейшая история. 1997. № 6. С. 108–121.
14. Алфёров С. Стратегическое развёртывание советских войск на Западном театре военных действий в 1941 г. // Военно-исторический журнал. 1981. № 6. С. 26–33.
15. Захаров М.В. Начальный период Великой Отечественной войны и его уроки // Военно-исторический журнал. 1961. № 7. С. 3–14.

Soviet Plans to Respond to German Military Preparations

Vadim Nikolayevich Myakota — Head of the 15th Department of the Central Archive of the Russian Ministry of Defense.

E-mail: centervoviran@mail.ru

Sergey Valeryevich Kudryashov — Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Head of the Research Center for the History of the Great Patriotic War at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: kudryashov.iri.ran@yandex.ru

The present paper analyses the Soviet war planning prior to the onset of the Great Patriotic War. The focus is placed on the plans of the General Staff of the Workers' and Peasants' Red Army in the spring of 1941. The authors of the study analyse drafts of plans that were never implemen-

ted by the Soviet government. The study's conclusion asserts that military leadership possessed no intention of engaging in “an offensive” against Germany.

Keywords: General Staff, war planning, The Workers' and Peasants' Red Army before the war, The Great Patriotic War

REFERENCES

1. Velikaya Otechestvennaya voina 1941–1945 godov. T. 1–12. M., 2012–2015 (in Russian).
2. Nachal'nyi period Velikoi Otechestvennoi voiny: vyvody i uroki. M., 1989 (in Russian).
3. Reshenie problemy otrazheniya agressii protivnika v nachal'nom periode Velikoi Otechestvennoi voiny. M., 1989 (in Russian).
4. Ivanov S.P. Nachal'nyi period Velikoi Otechestvennoi voiny Sovetskogo Soyuza // Voennaya mysl'. 1971. № 6. S. 20–34 (in Russian).
5. Mirovye voiny XX veka: V 4 kn. Kn. 3. M., 2002 (in Russian).
6. Zakharov M.V. General'nyi shtab v predvoennye gody. M., 1989 (in Russian).
7. Mikhalyov S.N. Voennaya strategiya: podgotovka i vedenie vojn Novogo i Noveishego vremeni. M., 2003 (in Russian).
8. 1941 god. Kn. 2. M., 1997 (in Russian).
9. Sorokin A.K. Istoriya odnogo pravleniya. Stalin v 1917–1953 gg. Kn. 2. Voina i mir Stalina. Ch. 1. M., 2024 (in Russian).
10. Na priyome u Stalina. Tetradi (zhurnaly) zapisei lits, prinyatykh I.V. Staliny (1924–1953 gg.): Spravochnik / Nauch. red. A.A. Chernobaev. M., 2008 (in Russian).
11. Boblyov P.N. Tochku v diskussii stavit' rano. K voprosu o planirovanii v General'nom shtabe RKKA vozmozhnoi voiny s Germaniei v 1940–1941 gg. // Otechestvennaya istoriya. 2000. № 1. S. 46–64 (in Russian).
12. Gor'kov Yu.A., Syomin Yu.N. Konets global'noi lzhi // Voenno-istoricheskii zhurnal. 1996. № 2. S. 2–15; № 3. S. 4–17; № 4. S. 2–17; № 6. S. 2–7 (in Russian).
13. Gor'kov Yu.A., Syomin Yu.N. O kharaktere voenno-operativnykh planov SSSR nakanune Velikoi Otechestvennoi voiny. Novye arkhivnye dokumenty // Novaya i noveishaya istoriya. 1997. № 6. S. 108–121 (in Russian).
14. Alforyov S. Strategicheskoe razvyortyvanie sovetskikh voisk na Zapadnom teatre voennykh deistvii v 1941 g. // Voenno-istoricheskii zhurnal. 1981. № 6. S. 26–33 (in Russian).
15. Zakharov M.V. Nachal'nyi period Velikoi Otechestvennoi voiny i ego uroki // Voenno-istoricheskii zhurnal. 1961. № 7. S. 3–14 (in Russian).